

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

ВИКТОРИЯ ВОЙЦЕК

КАК СОЗДАЮТСЯ ЗЛОДЕИ

Москва
2027

ПРОЛОГ

ом горел.

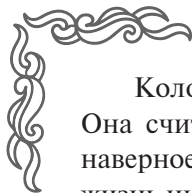
Прожорливое фиолетовое пламя плясало на чернеющей траве, карабкалось по деревянным воротам, взбиралось на крыши. Колокольчики тревожно звенели на ветру. Желтоватые полосы бумаги, примотанные к язычкам, беспокойно трепыхались.

Когда приходил новый ученик, Мастер каждый раз доставал из большого, запертого на тяжеленный замок деревянного ящика такой колокольчик. Его подвешивали в случайное место, где он бережно хранил написанное тонкой вязью имя. А если ученик погибал, полосу сжигали, чтобы душа могла спокойно уйти.

Теперь Юнсан видел, как тлеют родные имена; как с дуновением ветра они поднимаются ввысь, а затем осыпаются чёрным снегом. Не тронул огонь лишь троих.

Колокольчик маленькой Шинхо. Он висел над входом в храм; туда за ответами заглядывали часто, а ей так хотелось, чтобы каждый вошедший слышал задорный перезвон — будто сама она хихикала, спрятавшись за углом.

Колокольчик мастерицы сквернословия Кёхэй. Она считала эту традицию сущей глупостью — как, наверное, и все прочие традиции, не принёсшие в её жизнь ничего. Поэтому её имя, написанное кривенько, совсем без стараний, покачивалось в отдалении, близ ухоженного пруда. Заметить его можно было разве что случайно.

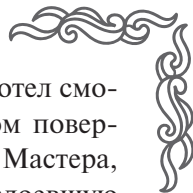
Колокольчик Юнсана. Он надрывался над аркой у тренировочной площадки, не тронутый огнём. Будто издевался, обещая, что душа Юнсана так и останется прикованной к любимой школе, а там, чуть погода, сделается беспокойной, потревожит поеденное разложением тело, поднимет помимо воли. Словно старательный Вэньмин, мечтавший стать правой рукой Мастера, — тот вечно вставал чуть свет и бежал будить остальных, отнимая блаженные мгновения отдыха.

Но если раньше Юнсан неохотно вылезал из-под тонкого, почти бумажного покрывала, браня про себя Вэньмина словами на грани пристойности и желая ему насекомых в еду, то сейчас воспоминания разлились теплом в груди. Там, под разломом черноты, пока ещё билось сердце — тяжело, отдаваясь болью во всём теле, но крови не было, ни единой капли. Рана, оставленная Чёрным Странником, скорее напоминала трещину в сухой земле, уходящую глубоко под кожу.

Закат медленно опускался на горы, обволакивая те молочной дымкой. Облака лежали низко, красивыми пышными клочками. Шиши, маленькой Шинхо с её ясными серо-голубыми глазами, они бы показались настолько мягкими, что она точно захотела бы набить ими свою любимую Мейфэнг — плюшевую свинку с маслянистыми глазами-бусинками и розовым пяточком. Эту свинью Шиши частенько подкладывала Юнсану под бок, когда он начинал вертеться во сне.

Но в грязной реальности все, кого Юнсан помнил, кто почти против воли — о, Юнсан был редкостным

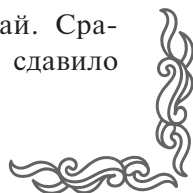

упрямцем — стал его семьёй, мертвы. Он не хотел смотреть, но ему ничего не оставалось. С трудом повернув голову, он увидел сухонькое тело старого Мастера, которое Чёрный Странник сбросил, точно надоевшую куклу, в полыхающую недобрым огнём жаровню. Едва коснувшись раны, рассекавшей труп от плеча до бедра, пламя затрещало, заискрило — и обратилось полуночными чернилами.

Чёрный Странник знал Мастера — в своё время его имя гремело, хоть уши затыкай. Чёрный Странник жестоко расправился с Мастером. И всё равно милосердно спалил его имя, с отвращением смяв бумажку в кулаке.

До последнего Юнсан надеялся, что Кёхэй и Шинхо удастся сбежать. Когда Мастер вытолкнул сонную Кёхэй из дома, приказав «Спасай малышку!», та глянула недобро, оскалилась, намереваясь вылить на него все возможные ругательства — но тут увидела незнакомые фигуры, будто объятые теньями, во внутреннем дворе. Как была, Кёхэй сунула под мышку пищащую Шиши, крепко держащую в белых ладошках несчастную свинку, и понеслась к воде. Но Чёрный Странник оказался быстрее.

Когда Кёхэй уже отвязывала лодку, усадив в неё трущую глазки Шиши, Чёрный Странник нагнал их и дважды рассёк опутанным чёрной дымкой клинком воздух. Юнсан, к тому моменту лежавший у верхних ступеней тренировочной площадки, видел, как два тела, большое и маленькое, опадают цветочными лепестками, пока голодная тьма забирается в открытые раны, не даёт пролиться крови. Юнсан тянул руки, пытался подползти ближе к лестнице — не спуститься, так скатиться по ней. Даже если переломает все кости — пускай. Срастутся. Но его будто пришили к месту, сдавило грудь невидимым камнем.

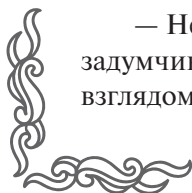
Море всколыхнулось, негодуяще вспенилось волнами. Уперев сапог в нос лодки, Чёрный Странник толкнул её и отправил в плавание двух уснувших девочек. Одними губами Юнсан просил прощения за то, что не защитил, не смог. Хотя подавал надежды: пусть не лучший мечник, но один из лучших. Он тренировался, пока не падал от усталости. И что теперь? Не справился с первым же живым противником. Прав был Вэньмин: Юнсану по силам махать лишь с манекенами.

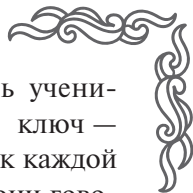
Но ведь и остальные тоже не справились. Столкнулись с силой, о которой раньше только слышали — да и то считали россказнями старого Мастера, решившего припугнуть разленившихся учеников. Мастер... седой, сморщенный как сушёная слива Ви Дэхан держался дольше остальных, сражаясь одним лишь железным посохом. Но и Мастер пал, сказав на прощанье: «Прости, что подвёл». Юнсан так и не понял, к кому он обращался. Подумал даже — вдруг к этому безжалостному мужчине с тёмным атласом волос.

Он мог сейчас только слабо говорить. И наблюдать. Как топчут посевы, которые все они, ученики старого Мастера, старательно растили. Как разбегаются, проломив деревянные загоны, перепуганные животные.

Когда на острове не осталось больше никого, а по закатному небу начала стекать синева, Чёрный Странник и его приспешники вошли в храм — но не взяли оттуда ничего. Они не стремились забрать скудные богатства или изучить записи Мастера, листки с последними разлетелись по ветру испуганной стайкой белокрылых птиц. Они, хранившие множество ответов, казались теперь бесполезными и бессмысленными.

— Неужели он и впрямь избавился от ключа? — задумчиво произнёс Чёрный Странник, провожая взглядом ненужную мудрость прожитых лет.

Он пообещал Мастеру сохранить жизнь ученикам, если тот отдаст какой-то особенный ключ — не от склада и не тот, что идеально подходил к каждой двери на острове. Юнсан не понимал, о чём они говорили, но знал одно: человек, пришедший на Закатный Остров с обнажённым оружием, не проявит милосердия. А если и проявит, оно покажется едкой насмешкой. «Живи и помни, как однажды потерял всё», — клеймо на памяти будет выжжено тонкой рукой, оплетённой фиолетовыми венами.

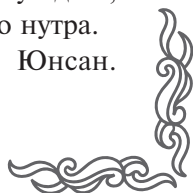
И вот теперь, достав из поясной сумки длинную тонкую трубку с небольшой металлической чашей, Чёрный Странник закурил. Затянулся задумчиво, чуть опустил голову. Он не казался обозлённым, нет, скорее разочарованным — и всё его разочарование уместилось в тяжёлый выдох, вместе с которым из уголков рта завихрились сизые клубы. Юнсан злился на его, не способный больше сделать ничего. Даже просто сжать кулак.

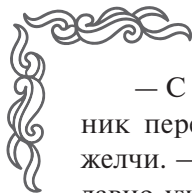
На дурных мыслях — Юнсан не знал, сколько ещё пробудет в сознании, прежде чем умрёт без возможности отправиться в Судилище, — вуалью лежало осознание: перед ним лишь человек. Ничем не примечательный: глаза раскосые, серо-синие кажется; волосы словно стекают по плечам; одежда неброская, хоть и богатая, — такого встретишь в толпе и не заметишь. И всё же образ отпечатался в памяти, до жёстких линий, возникавших, когда Чёрный Странник хмурился. Единственное, что было в нём необычным, — длинные острые когти, будто покрытые вьёвшимися чернилами или сажей.

Такой же чёрной была рана Юнсана.

— Я, знаешь ли, человек слова. — Он приподнял плечи, запрокинул голову и медленно выдохнул дым, словно вырвавшийся из самого его коптящего нутра.

— С кем ты говоришь? — прохрипел Юнсан. И не узнал свой голос, скребущий горло.

— С тобой, Последний Ученик. — Чёрный Странник перевёл на него взгляд и улыбнулся без капли желчи. — Ви Дэхан — просто громкое имя, за которым давно уже нет героя. Лишь дряхлый старик, когда-то паразитировавший на былом величии.

Юнсан собирался поспорить, но зашёлся кашлем, от которого взрывалась болью грудная клетка, угрожая в любой момент сломаться. Юнсан молил удачу — не зря же вырезал её иероглиф на гладкой круглой деревяшке и таскал с собой — подарить ему быструю смерть. Но та не слышала, была слишком занята своими баловнями, которые и жили в достатке, и погибали благородно, не упав после первого же удара.

— Мне жаль, — сказал Чёрный Странник.

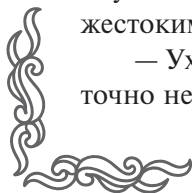
Юнсан хотел ненавидеть его. Так сильно, чтобы, когда утекут последние капли жизни, точно обратиться беспокойным прыгающим мертвецом. Но последние слова, зазвеневшие в такт с колокольчиками, льдинками проникли ему под кожу. Юнсан бы не услышал их, если бы стоял на своих двоих, сжимая верное оружие. Оглушённый яростью, он бы видел в Чёрном Страннике лишь распускающиеся цветы зла. Он видел их и сейчас. Но с ними — и почву, на которой они выросли. Её тщательно, долго готовили, прежде чем посадить луковицы.

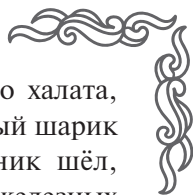
Мастер говорил, что никто не рождался злодеем.

Мастер говорил, что каждого при должном старании можно понять.

И сейчас, изучая дымящего рядом мужчину, совсем ещё молодого, Юнсан видел плод чьих-то трудов. Он даже хотел спросить — пусть это и не даст ему ничего, — как рождаются чудовища? Кто был его жестоким создателем? Но не смог.

— Уходим! — бросил Чёрный Странник. Теперь — точно не ему.

С хлопком в воздух поднялись полы его халата, на миг закрыли от Юнсана яркий, но размытый шарик терявшего краски светила. Чёрный Странник шёл, и в каждом шаге слышался перезвон шести железных колец. Приспешники, совершенно точно не люди, а лишь псоглавые твари, отдалённо их напоминающие, замерли готовыми броситься гончими, но спустя десяток ударов сердца наконец сорвались с мест. Одновременно.

Юнсан не заметил, как Чёрный Странник явился на остров. И не увидел, как он ушёл. Будто тот просто привиделся, выплыл из кошмара, чтобы позже в нём же раствориться. Оставив Юнсана одного, вместе с ворохом тревожных мыслей.

И рваной раной, в которую медленно, по капле втекала ночь.

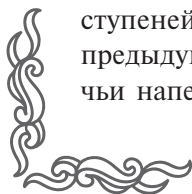
ГЛАВА 1

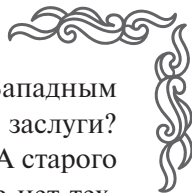

тичьи трели звучали нежной мелодией соны, которая то тянулась, то вдруг осыпалась тёплыми дождевыми каплями. Юнсан проснулся, как просыпался бесчисленное множество раз: лениво потянулся в кровати, под приятной тяжестью узорчатого покрывала, закинул руки за голову, наслаждаясь последними мгновениями покоя. По щеке скользнуло вдруг что-то невесомое, лёгкое — лotosовый лепесток, не иначе. Не открывая глаз, Юнсан поймал его пальцами, поднёс к носу, втянул едва уловимый запах. Улыбнулся ему как доброму знамению.

Юнсан всё же ушёл на Запад.

Не по-настоящему. Тело его так и лежало на укрытых вечерней прохладой камнях, неподвижное — только ветер, бесконечно игривый ребёнок, трепал собранные в хвост волосы, бросал их в лицо, тщетно стараясь разбудить. Но вместо того, чтобы рухнуть в Спиральное Судилище и пройти десять ступеней искупления, где каждая последующая хуже предыдущей, Юнсан лежал на мягком, слушал птичьих напевы. И больше не чувствовал боли. А значит,

он каким-то чудом дошёл до земли под Западным небом, и его пустили туда, — но за какие заслуги? И встретит ли он Шинхо, Вэньмина, Кёхэй? А старого мастера Ви Дэхана? Ведь зачем ему небо, где нет тех, кто и впрямь его заслужил?

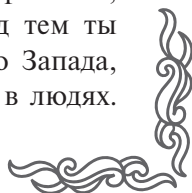
Он, конечно, попытался нелепо и совершенно не смешно пошутить про себя, что ни один небожитель не вытерпит человека, мастерски превращающего любое утро в кошмар. Но Юнсан и впрямь не отказался бы вновь услышать Вэньмина. И вновь пожелать ему провалиться в колодец — но это уже другое. Или чтобы разъярённый макак бросил в его самодовольное лицо тот колючий фрукт, пахнувший чьими-то нестиранными обмотками.

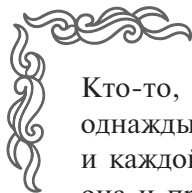
Но его поднял не звонкий голос, принадлежавший скорее петуху в человеческом обличии, а едва осязаемое прикосновение пальцев. Сперва — к щеке, затем — к ладони. В уши влетело мягкое:

— Вы наконец очнулись? — Шёпот, похожий на недавние прикосновения, принадлежал девушке и звучал несколько растерянно. И совершенно незнакомо.

Сделав над собой усилие, Юнсан приоткрыл глаза. Как бы ни пытался обмануть себя, он понимал: к нему не подскочит Шинхо, не заберётся на кровать, чтобы попытаться спихнуть его на пол. В дверном проёме он не заметит Вэньмина, привалившегося к косяку и готового нести свою бессменную мудрость. Его не коснётся привычное дуновение утра, ещё не согретого светом тэй-ян, вечно недовольной небесной мачехи. От ладони пробежали мурашки, а голова до краёв наполнилась мыслями.

Западное небо открывается лишь избранным, давая отведать плоды бессмертия, но перед тем ты должен склониться перед Ван-луэ, Матерью Запада, которая последние годы явно разочарована в людях.

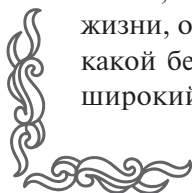
Кто-то, быть может старый Мастер, рассказывал однажды Юнсану, будто Ван-луэ следит за каждым и каждой, зная о свершениях и проступках. Но если она и правда коротала вечера, красиво вырисовывая кистью имена совершенно не знакомых ей созданий, то шесть лет назад — благополучно сожгла длиннущий список. И, может, даже грелась об его пламя по сей день.

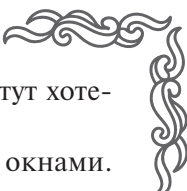
— Без вашей помощи, — прохрипел Юнсан, горло которого превратилось в пустыню Альха, он даже губы разлепил не без труда: будто их прошили тонкими, но необычайно крепкими нитями. Последнее слово обернулось сухим кашлем.

Зашелестели шаги — подошвы мягкие, явно кожаные, — а вскоре к пересохшему рту прижалась деревянная пиала. По языку скользнули первые капли прохладной воды. Дрожь прошла по всему телу, и Юнсан протяжно выдохнул, запрокинув голову. На пару мгновений он забыл даже, как дышать, а сердце в груди застыло куском камня, но вновь забилось, ускоряясь, когда он открыл глаза.

На краю его кровати сидела девушка, прекрасный призрак. Черные волосы на макушке были собраны в аккуратный пучок и украшенный гребнем с цветами. Незабранные пряди плащом лежали на спине, в них прятались тонкие золотистые цепочки. Одетая в почти белоснежный наряд — широкие рукава рубашки водопадами стекали по изящным рукам, а юбка волнами укрывала ноги, — незнакомка казалась сотканной из моря и облаков. И совершенно не вязалась со всем, что её окружало.

Если бы Юнсан проснулся в покоех, полных шелка, света и украшений, стоящих дороже его жалкой жизни, он бы, конечно, тоже удивился, но скорее тому, какой безумец вообще пустил его сюда? Но комната, широкий деревянный квадрат, скорее напоминала

ладно сколоченный гроб. В смысле, умирать тут хотелось сильнее, чем жить.

Вся серая, с крохотными круглыми окнами. Прохладный воздух ощутимо пах дождём — им тянуло из приоткрытой двери, за которой виднелся кусочек каменистой дороги, утопшей в чёрной земле и желтоватых пучках травы. Юнсан осмотрелся — голова отозвалась тянущей болью, умоляя дать хотя бы немного времени привыкнуть к тому, что она всё ещё может думать. Вокруг стояли койки, одна к одной, идеально заправленные, ни складочки. Такие же серые, как всё вокруг.

На стенах висели потрёпанные листки, наверное, с молитвами. Или с напоминаниями не пускать призрака в белом к страждущим, чтобы те раньше времени не рухнули на первый круг Судилища. Но Юнсан мог похвастаться стойкостью — по крайней мере так он себя утешал. На деревянных полках, кое-как вколоченных в стены, лежали стопки белья, которое несколько поколений назад можно было назвать чистым. Приметил Юнсан и стройные кувшины из обожжённой глины, и такие же чаши с крышками — в подобных старый Мастер держал как чай, так и мази; никогда не угадаешь, какую возьмёшь.

«В одной из них — сбор, который привёз мне стари-инный друг, — довольно проскрипел однажды Ви Дэхан, зажмурившись, пока Юнсан, покусывая губы, старался не ошибиться с выбором, — в другой мазь для моей ста-арой...»

«Мастер!» — почти взмолился Юнсан.

«Коле-енки», — почти издевательски закончил Ви Дэхан, приоткрыв один глаз.

— Простите, молодая госпожа, — обратился к ней Юнсан, всё ещё не до конца понимая, не привиделся ли ему прекрасный образ, будто сошедший с картины.

